

Раздел 3. ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРЫ В ЦИКЛАХ ИСТОРИИ

В.И. МЕЛЬНИК

ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ – СПОСОБ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ

То, что человек коренным образом отличается от животного общеизвестно. Но чем он отличается? Ответ на этот вопрос философы разных эпох связывали с раскрытием таких его сущностных качеств, как сознание, мышление, культура, нравственность, биопсихические формы характера, социальность, практическая целесообразная деятельность, цивилизованность и т.д. Впервые понятие цивилизованности в качестве отличительного признака человека появляется в «Словаре Академии» Франции в 1798 г. Её смысл связывается с «цивилизаторской деятельностью», или состоянием того, кто цивилизован. Данный смысл цивилизованности отличает не просто человека от животного, но человека просвещенного от человека-варвара, невежи, нецивилизованного.

Обозначенный смысл цивилизованности и тогдашней трактовки понятия цивилизации исходит из их культурологического понимания, которое продолжает традиции античного гуманизма Протагора, Сократа, Платона, Аристотеля и других философов, рассматривающих человека мерой всех вещей, а познание, добродетели, здравомыслие – его главными отличительными чертами. Эпоха Просвещения возвела эти черты в идеал, наделив их деятельной силой, ведущей к изменениям обстоятельств жизни людей, утверждению принципов справедливости и равенства, ненасильственных, договорных форм общежития. Это значение просвещенной морально-этической цивилизованности утверждается в последующих взглядах такого известного английского философа как Р. Дж. Коллингвуд, который понимал под ней «постоянное стремление превратить всякий случай несогласия в согласие быть цивилизованным – значит сокращать применение силы, и чем больше мы цивилизованны, тем значительнее это сокращение» [1, p.225].

Более близкие нам по времени представления о цивилизованности тоже связаны с духовностью человека. По Б. Расселу «цивилизированный человек отличается от дикаря главным образом **благоразумием** или, если применять более широкий термин, **предусмотрительностью**» [2, с.30]. Американский философ Н. Элиас считает, что цивилизованность есть «**универсальное свойство человеческой истории, черта, присущая всем народам и эпохам от начальных этапов использования орудий труда, оружия и огня до аграрной и индустриальной революции**» [3, p.238].

Среди этих крайне немногочисленных представлений выделяется понимание цивилизованности Н.В. Мотрошиловой, увидевшей в ней социально-этический способ разрешения человеческих конфликтов. По её мнению, «цивилизованность, чем дальше, тем больше предполагает необходимость самыми мирными из возможных в каждый момент способов общаться, взаимодействовать с другими индивидами и народами, разрешать возникшие и упреждать возможные конфликты» [4, с.30-31].

Думается, что эта позиция была бы наиболее адекватной смыслу цивилизованности, если ее дополнить и углубить. Нет сомнения, что социально-этическая форма мирного разрешения конфликтов между людьми выражает гуманистические начала человеческой цивилизованности. Но возникает вопрос: достаточно ли этого аспекта её проявления для практической и социальной её реализации? Можно ли считать цивилизованным человека, общество только потому, что они освоили моральные и культурные ценности? Перевод должного в сущее на этом уровне носит абстрактно-гуманистический характер и для своей реализации требует практического осуществления должного, возможного, морального в социальной практике жизнедеятельности людей. На наш взгляд, даже встречающиеся сейчас нередко попытки представить цивилизованность неким правовым регулятором соблюдения прав и свобод личности, не «исправляет» положения и не углубляет её морально-этическую. Диктатура правно-законодательного регулирования не всегда ведет к полной свободе социокультурной самореализации и добровольной ответственности людей, кроме того, она обуславливает вопрос: а для чего создаются правовые нормы, законы? Ответ один – для регулирования опять же жизни и поведения людей, разрешения их социальных противоречий. Приведенные доводы показывают, какой огромный пробел существует в разработке статуса категории цивилизованности, ее онтологии и методологии.

Человек и его человеческие качества возникают не сами по себе, а во взаимодействии его с природой и другими людьми, обществом. Этот процесс связан с познавательной деятельностью людей, которая, однако, служит, в первую очередь, реализации их практической преобразовательной деятельности. В преобразовании природы и создании условий своей жизнедеятельности «человек удваивает себя не только интеллектуально и реально, деятельно и созерцает себя самого в созданном им мире» [5, с.94] Человек разрешает, таким образом, противоречия с природой и другими людьми не только мысленно, а и практически, посредством социальной деятельности, созидания и обновления так называемой «второй природы», общества, самого себя.

Социальность и предметно-преобразовательная деятельность составляют основу общественно-исторической практики жизнедеятельности людей. Все, что есть в обществе, несет отпечаток современной или прошлой человеческой деятельности. Любое явление или предмет, не несущие на себе отпечаток человеческой деятельности, остается естественным. Все социальное пронизано человеческим началом, все человеческое социально. «В психике людей уже с момента возникновения в онтогенезе нет ничего, что было бы только природным (но не социальным), или, только социальным (но не природным). Они всегда – нерасторжимое единство природного и социального» [6, с.937].

Цивилизованность возникает как свойство и характеристика человека, суть которого раскрывается и развивается в социальных отношениях реализации, практической созидательной деятельности. Как чисто человеческий продукт цивилизованность есть порождение социальности и созидательности человека, или, кратко говоря, социальной созидательности, конечной целью и результатом которой является сам человек и общественная организация его жизнедеятельности. Отсюда – его социальная созидательность изначально носит гуманистический характер, непосредственно выражающийся в смысле и значении категории цивилизованности.

Человеческая природа цивилизованности раскрывает единые субъект-объектные основы ее возникновения, формирования, изменения и проявления как имманентного способа развития людей, общества. Все, что человек создает умственно в идеальных формах и практически опредмечивая их, он создает для себя, своей жизнедеятельности, её воспроизводства и развития. Цивилизованность – составляющая этого практического и духовного процесса человеческого самосозидания и саморазвития. Вместе с тем, она включена в процесс как специфический способ раскрытия и развертывания человеческих сущностных сил и способностей.

Главный вопрос человеческой жизнедеятельности – что ее двигает в процессе воспроизводства и развития? Ответ может быть таким – коренной основой этого процесса является взаимодействие людей с природой и между собой, которое носит характер «раздвоения единого на противоположности и противоречия между ними». Жизнь и развитие есть всегда там, где есть противоречия и их преодоление, демонстрирующие диалектический принцип жизнедеятельности и философии, ее отражающей и изучающей. Жизненные социальные противоречия заложены в самих телесных человеческих потребностях, которые побуждают людей вступать в отношения с природой и налаживать общественное производство условий жизни, противостоящее природе. Телесные,

биологические, материальные потребности являются первичными источниками взаимоотношений людей с природой и между собой – это неоспоримый факт. Но возникает вопрос: может ли отдельный обособленный человек реализовать предмет их удовлетворения вне отношений производственной деятельности с другими людьми, средствами их совместного труда? Иными словами этот вопрос связан с **первичностью** биологической или социальной сущности людей. Решение этого вопроса – сложная проблема, которая в научной литературе не нашла однозначного решения. Не ставя целью её решать, скажем, что раз одно без другого не может состояться, значит, они взаимосвязаны, находятся в отношениях диалектической противоречивости и её разрешимости. Потому что, если даже биологически человек может существовать как **отдельное телесное** существо, то вне общественных отношений с другими людьми, форм регулирования их жизнедеятельности, он стать человеком и реализовать себя как человек не может. Отсюда следует, что объективной основой любых человеческих проявлений, в том числе и цивилизованности, являются общественные отношения, в рамках которых реализуется противоречивое взаимодействие людей с природой и обществом, их духовная, биологическая и социальная сущность. В них осуществляется диалектический **взаимопереход субъектно-субъективного** в объективно-опредмечиваемое и наоборот, осуществляется посредством предметно-преобразовательной практической деятельности, практики как способа разрешения всех противоречий общественной жизнедеятельности людей, создания все новых и новых общественных благ. В этом постоянно социально и предметно развивающемся состоянии человека и заключается его отличие от животного.

Отличие данного человеческого или социокультурного состояния от животного не всегда может обозначаться понятием цивилизованности. Для ответа на вопрос, когда же это состояние является признаком цивилизованности, необходимо воспользоваться методологией диалектико-гуманистического подхода к решению этой проблемы. Сразу отметим, что это новый подход, наиболее адекватный раскрытию природы и сущности феномена цивилизованности. Если принцип социальности помогает выявлению антропологических источников возникновения цивилизованности, то принцип диалектико-гуманистического подхода – выяснению её сущностных специфических функциональных основ реализации и проявления. Дело в том, что человеческое состояние не является статическим, так как постоянно предполагает реализацию жизненных сил и способностей в условиях удовлетворения потребностей людей. Данная реализация человеческого в человеке может

осуществляться разными людьми по-разному, или разными способами получения общественных благ: либо созидательно-трудовым во благо себя и общества, т.е. гуманистически, либо насильственно-нетрудовым, за счет присвоения труда и условий жизни других только на благо себя, т.е. антигуманистически.

Учитывая эту особенность разных людей действовать с позиций своего социокультурного состояния, жизненного бытия и развития, можно сказать, что цивилизованность как раз и есть способ актуализации этого состояния в определенный **характер** действий людей, который предполагает гуманистическую созидательность во благо себя и общества. Гуманистическая составляющая здесь выражает не только мыслительные намерения, а, прежде всего, социально-практические действия людей по преобразованию природы, общества и себя во благо каждого и всех. Но поскольку речь идет о противоречиях всего этого преобразовательно-гуманистического процесса, то разрешение этих противоречий во благо бытия и развития человека и общества составляют второй основной признак сущности цивилизованности, ее категориального статуса. Цивилизованность как специфическое социокультурное состояние людей предполагает их социально-гуманистическую созидательность посредством труда и саморазвития. Иные способы самореализации жизни за счет труда и ограничений развития других людей должны характеризоваться как нецивилизованные.

Цивилизованность отличается от нецивилизованности не только социально-гуманистической созидательностью. Последняя не может быть полноценной без такого ее качества, как ответственность людей перед природой, друг перед другом и обществом, самими собой. То есть без предположения следствий этой социально-гуманистической созидательности. Ответственность подразумевается здесь не как принцип принуждения, а как способ содействия повышению плодотворности самореализации людей, разрешения возникающих социальных противоречий.

Термин «ответственность» широко применяется в разговорной речи, в публицистической литературе, нашел закрепление в политических и правовых документах. В данном случае для решения проблемы цивилизованности важен не только и не столько моральный или правовой, сколько **социально-практический аспект ответственности**, включенной в общественные отношения людей как способ противостояния эгоизму и абсолютной свободе индивида, которой, по сути, и не может быть, поскольку именно взаимосвязь и взаимозависимость людей в общественной системе производства условий их жизнедеятельности порождает ответственность как необходимость подчиняться определенным

нормам этого производства. Иначе невозможна социальность, совместность, сотрудничество людей, их общественное воспроизводство и развитие, «свободная необходимость /libera necessitas/» [7, с.591], когда «разум не требует ничего противного природе» [8, с.537] предполагает учет интересов других людей, общества в целом.

Ответственность вытекает из требований свободы саморазвития людей и в тоже время необходимости соблюдать обязанности сотрудничества и общежития, объединения их в общество. Созидательность индивидов приобретает социально-гуманистический характер именно в силу включенности в нее ответственности людей друг перед другом, обществом и природой. Ведь созидательная деятельность может носить и другой характер: только для себя и реализовываться посредством насилия и разрушения. Ответственность же полагает обязанность действовать в направлении создания блага для себя и других, повышения свободы и саморазвития. Это решение проблемы ответственности через диалектику свободы и необходимости является наиболее адекватным действительности и цивилизованности. Тем более если сравнивать его с утверждением Ф. Ницше, что ответственность – это предрассудок морального сознания, так как людьми якобы руководят такие инстинкты, которые в большинстве случаев не осознаются как мотивы деятельности. «Короче говоря, – писал он, – мы полагаем, что намерение – это лишь знак и симптом, еще не нуждающийся в истолковании, притом, который означает слишком разное, а потому сам по себе не значит почти ничего, мы полагаем, что мораль в прежнем смысле слова, мораль преднамеренности, была предрассудком, чем-то предварительным и преждевременным, что-то вроде астрологии и алхимии, что во всяком случае надлежало преодолеть» [9, с.140-141].

Исключение ответственности из форм отношений людей, их общежития ведет не к их возвышению, а к принижению, приравниванию к животным, не различающим добра и зла. Человек – разумное существо и результат среды обитания, на которую сам может оказывать активное преобразовательное воздействие: сознательно управлять общественными процессами и собственным поведением, ответственно ставить под контроль свой разум, свои чувства и волю. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможностей планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, – два класса законов, которыми мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности» [10, с.116].

Свобода и необходимость – явления не столько разума, психологии людей, сколько их взаимоотношений как форм взаимодействия взаимозависимости в процессе создания и получении условий своего бытия и развития. Сочетание свободы и необходимости есть сочетание противоположностей процесса воспроизводства и развития людей в обществе.

Это сочетание порождает ответственность, поскольку реализация необходимости сотрудничества людей по поводу улучшения условий своей общественной жизни является способом движения по пути повышение свободы каждого и всех. Цивилизованность включает в себя требование ответственности как императив сотрудничества и свободы саморазвития людей.

Ответственность как социальное качество необходимости соблюдения определенных норм жизни и поведения, сотрудничества реализации общих коллективных и индивидуальных целей возникает уже у людей первобытного общества. В раннем обществе люди могли выжить, развиваться и становиться таковыми только при соблюдении коллективной ответственности. «На известной весьма ранней ступени развития общества, – отмечает Ф. Энгельс, – возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена» [11]. Из этой необходимости подчинения индивида общему порядку и вытекает его ответственность. Долг или обязанность человека перед другими людьми, обществом, природой, самим собой определяется не просто принципами его нравственности или воспитанности, культуры и т.д., а более глубоким, можно сказать, глобальным фактором – самой жизнью, необходимостью, требованием ее воспроизводства и развития в процессе сотрудничества с другими людьми.

В связи с этим К.А. Абульханова-Славская, на наш взгляд, верно полагает, что ответственность «должна быть исходно введена в число общественных оснований, составить своеобразную “онтологию” индивидуальной деятельности» [12]. Обозначенный автор, таким образом, подчеркивает общественную значимость, социальный смысл категории ответственности. И не только социальный, а **социально-гуманистический**, поскольку она помогает раскрывать дополнительный ресурсный способ повышения эффективности созидательной деятельности людей, их саморазвития. **Социально-гуманистическая созидательность и ответственность как формы разрешения жизненно-практических противоречий с природой и между собой, таким образом, составляет второй**

важнейший признак цивилизованности, ее категориального статуса. Мирные формы разрешения противоречий тоже являются выражением цивилизованности людей, но они могут обозначать и такие намерения, которые не всегда и не обязательно переходят в действия по их практической реализации. Поэтому созидательное и ответственное разрешение противоречий во благо бытия и развития людей есть более корневой и основополагающий признак цивилизованности как обозначения социокультурного состояния и способа воспроизводства и развития жизнедеятельности людей, общества.

Конечной целью цивилизованности, как уже обозначено, ее специфическим социально-гуманистическим назначением благо людей, включающее в себя все условия и формы их свободного общественного саморазвития. Это, можно сказать, результирующий признак сущности и реализации цивилизованности.

Благо по-разному трактуется в философской литературе. Древнегреческие философы подразумевали под ним морально-этические ценности наслаждения и воздержания. «Благом, – отмечал Аристотель, – называется то, что является лучшим для каждого сущего, т.е. нечто по самой своей природе достойное избрания, либо то, что делает благами другие причастные ему вещи, т.е. идея блага» [13, с.297]. К благам он относил власть, богатство, силу, красоту. Он же замечал, что «если благо – цель всех умений, то очевидно, целью высшего умения будет высшее благо или счастье» [13, с.301]. Аристотель связывал с благом человеческие добродетели умений, красоты и силы, а также общественные средства реализации способностей людей – власть, богатство. Они, блага, по словам Аристотеля, потому, что к ним все стремятся. Но стремления тоже осуществляются ради чего-то: только ли ради реализации и развития каких-либо отдельных качеств людей или общественных средств их жизни? Гуманистически-этический антропоцентризм предписывал древнегреческим философам видеть – в качестве конечного блага – добродетели души и ума. «Душа, – по Аристотелю, – есть причина как то, откуда движение, как цель и как сущность одушевленных тел» [14, с.402].

В условиях современного развития социальной онтологии такого признания предметности блага, конечно, недостаточно, требуется раскрытие его социально-практического смысла и значения. Мы согласны с трактовкой блага, как «исторически исходным и подтверждаемым житейским опытом фактом удовлетворения извечных потребностей, ожиданий и желаний людей при условии соединения их устремлений и усилий» [15, с.103]. На наш взгляд, смысл блага в обозначении всех тех условий, которые наиболее содействуют воспроизводству и развитию

жизнедеятельности людей, социально-гуманистическому разрешению ее противоречий. Благо – цель цивилизованности.

Итак, по рассмотренным признакам, цивилизованность – это категория, которая обозначает **коренное отличие человеческого состояния от животного и социально-гуманистический способ реализации этого состояния посредством созидательного и ответственного разрешения противоречий бытия и развития людей во благо себя и общества, всей цивилизации.**

Данное определение хотя и систематизирует основные признаки цивилизованности, но характеризует ее как объективно складывающийся феномен, на который определенное влияние оказывают субъективные формы ее осознания и исторически формирующиеся условия предметной содержательности. Осознание цивилизованности людьми выражается в понимании и самооценке своей созидательности и ответственности, а главное в выборе наиболее эффективных средств и форм их реализации, сочетания своих интересов с интересами общества, других людей. Субъективные формы осознания цивилизованности предполагают актуализацию социально-гуманистической активности индивидов, реализацию ими не только долга, но и опережающего творчества, раскрытия своих творческих потенций. Цивилизованность предстает в этом случае как идеал общества, индивидов, их взаиморазвития путем реализации этого идеала в качестве предполагаемой цели и образа будущего. Трудно представить себе людей, народы, общества, которые не хотели бы быть цивилизованными и не иметь условия цивилизованной жизни. В этом состоит ориентирующее значение цивилизованности, которое вместе с тем дополняется и значением ее как ключевого ориентира оценки жизни и поведения людей, их групп.

В качестве реального и идеального ориентира цивилизованность выступает **общечеловеческой ценностью**, предполагающей развитие человеческого в человеке и его личностного саморазвития. Но развитие индивидуальности человека невозможно без развития общества, социальности. Отсюда одно из главных значений цивилизованности **гармонизация отношений индивида и общества, цивилизационных и культурных условий человеческой жизнедеятельности.** Осознаваемая и выражаемая в соответствующих формах индивидной и общественной активности людей, цивилизованность **выступает высшей мерой оценивания качества индивидов, групп, народов, обществ, цивилизаций и культур разных регионов мира, а также всего человечества, определения целей и условий их прогресса и преодоления явлений, препятствующих ему.**

Мерное значение цивилизованности очень специфично, ибо предполагает в качестве предмета измерения человеческие и общественные формы жизни и проявления людей, которые, как известно, требуют человеческих единиц измерения. «Человек есть мера всех вещей» – эта формула Протагора нуждается в уточнении, поскольку она представляет человека как представителя рода, человека «вообще», не конкретно. Конкретные же люди бывают разные, и, значит, имеют разные собственные меры своей оценки личных и общественных явлений. Различие людей и их проявлений носит разный, не только количественный, но и качественный характер. Поэтому и степень цивилизованности разных людей, как количественно, так и качественно бывает разная. Количественное различие цивилизованности выражается в дихотомии «больше – меньше», «выше – ниже», а вот качественное – в размерах границ, пропорций реализации и проявления социально-гуманистической созидательности и ответственности людей, их объединений.

Цивилизованность есть мера человеческого в человеке, но в отличие от культуры, которая тоже выражает подобную меру, она в качестве соизмеримых сторон предполагает соотношение не только и не столько духовных уровней и форм развития и проявления человека, сколько социально-практических, деятельно-созидательных. Как инструмент «человеческого измерения», «человекоразмерности» цивилизованность выступает способом показа границ такого соотношения позитивно-созидательных и негативно-разрушительных форм человеческой жизнедеятельности, которые сохраняют и развивают именно позитивно-созидательные и уменьшают и вытесняют негативно-разрушительные. Проще говоря, цивилизованность олицетворяет границы взаимодействия и соотношения противоположностей (внутренних и внешних, в людях и в обществе), противоречия между которыми разрешаются во благо самих людей, общества в целом. Переход через данные границы разрешения противоречий путем насилия и во благо эгоистических интересов отдельных индивидов ведет к реализации иной формы человеческой жизнедеятельности – нецивилизованной, или даже «цивилизованного варварства», раскрывающего меру античеловеческих проявлений посредством использования современных средств цивилизации и культуры, подчас направленных на разрушение личности людей.

Ключевое значение цивилизованности как меры выражается сегодня в соизмерении человеческого (социально-гуманистического) и материально- **ВЕЩЕСТВЕННОГО** средне-массового и личного, индивидуального и общественного, коллективного. Нет сомнения, что повышение цивилизованности зиждется на росте

цивилизационного богатства, материального благополучия населения. Никто не оспаривает очевидные достоинства процесса расширения объемов строительства жилья, улучшения его комфортности, увеличения автомобильных и железнодорожных магистралей и т.д. Однако необходимо осознать, что такая точка зрения диктуется инерцией мышления, ориентацией на постоянный, неистребимый дефицит самого необходимого и на тяжелые условия жизни растущего числа людей. Преодолевая материальную необеспеченность, человек значительную часть жизни вынужден проводить в борьбе за удовлетворение непосредственных потребностей в самых простых вещах и продуктах. Современные техносциумы создают, однако, экономику позитивного решения проблемы насыщения первейших потребностей человека, обуславливая тем самым **рост значимости психологии удовольствия, постоянного инновационного потребительства.** Отсюда и девиантные формы поведения, и главное, рост неуправляемого потребительства, произвола людей в отношении к ценностям природы и общества.

Это определяет необходимость акцентирования социально-психологических форм повышения цивилизованности людей, в частности социально-гуманистической ответственности, которая должна стать предметом особой заботы исследователей, поскольку безответственность есть непосредственное проявление нецивилизованности, порождающей беды и природы, и социальной жизни индивидов. В этом контексте мерное значение цивилизованности становится исходной предпосылкой выявления и использования другой важнейшей ее функции – критериальной. Мерность цивилизованности помогает определять границы сохранения и развития социально-гуманистических форм реализации и проявления человеческого в людях, обществе. Критериальная же роль цивилизованности показывает степень развития индивидов в общественных и природных условиях их бытия.

Критериальность цивилизованности вытекает из ее ценности, предельной значимости как социально-гуманистического способа развития человеческого в человеке, обществе. В качестве предельной точки отсчета, или идеала она содержит, наиболее показательную перспективу настоящего и будущего в жизнедеятельности каждого человека, общества. Этим самым она заключает в себе возможности оценки прогрессивности и регрессивности людей, общества, цивилизации.

Другая сторона и возможность ее критериальности состоит в интегративном объединении в себе человеческого и общественного, материального и духовного. Такой интегративностью не обладает, пожалуй,

ни один из многочисленных критериев оценки развития человека и общества, будь то потребности и интересы людей, или достижения научно-технического прогресса, производительные силы и производственные отношения общества. Цивилизованность интегрирует личностные и общественные критерии, «снимает» их в себе и дает картину соответствия или несоответствия состояния, уровня развития общества, его структур и достижений свободе саморазвития человека, полноте его материальной и духовной обеспеченности, социальной защищенности. Соответствие данным требованиям цивилизованности есть показатель степени прогрессивности общества. «Все прогрессы, – по словам поэта, – реакционны, если рушится человек» [16, с.411].

В качестве одного из главных признаков прогрессивности цивилизованность выдвигает мирное, ненасильственное разрешение социальных противоречий, борьбы нового со старым. В этом ключе общественный прогресс связывается в основном с такой моделью общественно-исторического развития, как цивилизация, которая наиболее полно синтезирует и отражает всю совокупность сторон и сфер бытия и развития общества, раскрывает его потенциал в данное время и на данном этапе. Она же, по сути, аккумулируя и отбирая исторические достижения разных народов, эпох развития человечества, представляет собой демонстрацию общественного прогресса, восходящего развития общества.

Обозначенное критериальное требование цивилизованности, соответствующее логике мирного эволюционного саморазвития элементов нового сейчас в общественном знании связывается с теорией синергетики. [17] Общей линией здесь является усложнение состава и структуры общественной системы, появление новых подсистем (или систем), рост числа их внутренних и внешних взаимодействий, увеличение возможностей для таких взаимодействий, а значит, повышение творческого потенциала всей системы и вместе с тем ее цивилизованности, которая выступает доминирующим и ориентирующим критерием обозначенной линии усложнения и поступательного развития данной системы. Цивилизованность полагает общественный прогресс как повышение степени системной организации, а также материального и социокультурного обогащения человека и общества. Как критерий она помогает оценивать и отделять позитивное саморазвитие элементов и подсистем общества от его негативных регрессивных нецивилизованных «наслоений и отклонений». Регресс в контексте оценки цивилизованности – это понижение уровня системной организации общества, деградация и разрушение его основных функций, условий нормальной жизнедеятельности людей.

Цивилизованность как критерий общественного прогресса дает возможность выявлять не только уровень прогрессивности или регрессивности условий бытия и развития общества. Своей критериальностью она позволяет обозначать недостатки, противоречия, проблемы того или иного общества, стадии развития цивилизации.

Критериальная эффективность цивилизованности особенно тонко и показательно проявляется в оценке условий современной постиндустриальной цивилизации. Именно цивилизованность позволяет измерять социально-гуманистическую эффективность нововведений в разных сферах жизни и развития постиндустриального общества: наукоемких технологий компьютеризации и информатизации, социализации государства и деидеологизации общественного сознания. Наполняемая содержанием наукоемких технологических нововведений, современная постиндустриальная цивилизованность изменяется качественно по сравнению с предшествующими историческими типами – аграрной и индустриальной. Она характеризует и открывает новые творческие потенции человека, делает познание, знание и информацию главными средствами развития человеческого в человеке. Вместе с тем эти нововведения несут в себе новые средства отчуждения людей от создаваемых ими условий и ценностей жизни, форм саморазвития. В постиндустриальном обществе, по мнению автора, информационная обезличенность и виртуальность, с одной стороны и гегемонистский радикализм с его кажущейся оправданностью – с другой, ведут к ситуации, когда антицивилизованность становится «нормальным» способом взаимоотношения людей, стран и народов, а постиндустриальные ценности, их глобализация признаются как благо для всего мира, независимо от различий культурно-исторических устоев цивилизаций и цивилизованности Запада и Востока. В этом же обществе возникают и распространяются такие новые ценности, которые демонстрируют перерождение «свободного творчества» в деспотизм антикультуры, требуют серьезнейшего и безотлагательного анализа степени их соответствия цивилизованности, которая помогает обнаружить совершенно новые опасности нецивилизованности и «цивилизованного варварства», связанные с противоречием невероятных технологических возможностей и человеческой ограниченностью, необходимостью радикальных перемен и духовно-этической неготовностью человечества их принять и освоить. Нарастание социокультурного отчуждения и неравенства наблюдается и в процессе глобализации обогащения развитых стран за счет использования природных и трудовых ресурсов развивающихся и отсталых стран, составляющих большинство мира. Цивилизованность как индикатор социально-гуманистического развития

и проявления людей позволяет раскрыть истинную картину хода и нюансов прогресса, стран «золотого миллиарда» и судьбы всей мировой цивилизации, показать теневые стороны научно-технического прогресса, которые тщательно вуалируются как западными, так и некоторыми нашими исследователями.

Критериальность цивилизованности стала весьма показательной для нашей страны, перед которой стоит задача поиска и реализации путей и ресурсов выхода из реформационного кризиса и последовательного обновления и развития. Таких путей предлагается много, но они касаются в основном преобразования внешних общественных условий жизнедеятельности людей и в гораздо меньшей степени их внутренних основ, ориентации сознания, поведения и саморазвития, которые сейчас подвергаются воздействию таких стереотипов как коррумпированность, сервильизм (раболепие), криминальное предпринимательство, обман, насилие, пиаровские технологии и т.д. Оказалось, что практические формы реформирования и их теоретическое осмысление обходили и обходят самое главное – восстановление и повышение цивилизованности самих людей, особенно партийно-управленческой элиты страны. Данное фундаментальное требование было актуально в советские времена, а сейчас тем более, когда новая элита стремится не только к льготам властвования, но и средствам обогащения, все больше отдаляясь от интересов и качества жизни народа. Цивилизованность как раз и показывает, если реформация осуществляется в интересах народа, а он о ней, ее особенностях и путях не осведомлен, не участвует в ней сознательно, то фактически и стратегии, и самой реформации нет. Отсюда острота необходимости восстановления цивилизованности народа и его духовной и правящей элиты. У последней это должно вылиться в единство слова и дела во благо народа, повышение перед ним ответственности – основной предпосылки роста культуры и нравственности, как самой элиты, так и всего народа. Иное не дано, если учитывать то кризисное состояние, в котором все еще находится наша страна.

Литература

1. *Collingwood R. Y. Essays in Political Philosophy. Oxford. 1989.*
2. *Рассел Б. История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. М., 2000.*
3. *Etta N. Power and Civility. The civilizing process. Vol. 11. N.Y. 1982.*
4. *Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. М., 1991.*
5. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42.*
6. *Брушлинский А.А. Деятельностный подход и психологическая наука // Вопросы философии. 2001. №2.*
7. *Спиноза Б. Избр. произв.: В 2 т. М., 1957. Т.2.*
8. *Спиноза Б. Избр. произв.: В 2 т. М., 1955. Т.1.*

9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Вопросы философии. 1989. №5.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.18.
12. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология. М., 1980.
13. Аристотель. Соч. в 4-х т. М. 1989. Т.4.
14. Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1995. Т.1.
15. См.: Плотников В.И. Благо // Современный философский словарь/ под общей ред. д.ф.н., проф. В.Е. Кемеров. Лондон-Москва. 1998.
16. Вознесенский А. Собр. соч. М., 1983, Т.1.
17. См.: Рузавин Г.И. Синергетика и принципы самодвижения материи // Вопросы философии. 1984. №8; Его же. Синергетика и системный подход // Философские науки. 1985. №5.

М.Р. МОСКАЛЕНКО

БУДУЩЕЕ РОССИИ В ТЕОРИЯХ ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ТЕХНОСФЕРЫ

Возрастающая системная сложность современных обществ предъявляет повышенные требования к прогностическому знанию. От правильных прогнозов во многом зависит то, как общество сможет справиться с вызовами будущего. В этом плане представляют интерес концепции индустриализма, основанные в основном на использовании методологии экономических циклов, и техносферы.

Например, А.С. Абрамов в книге «Циклы в экономике СССР», написанной в 1990-х гг., выделял кризис 1979-1982 гг. и полагал, что депрессия в экономике будет продолжаться, пока не завершится работа по оптимизации структуры общественного производства и радикальная перестройка хозяйственного механизма. Поставленные задачи могут быть решены в 1991-1993 гг. С этого периода начнется экономический подъем в рамках третьего послевоенного структурного цикла. Исходя из средней продолжительности уже завершившихся структурных циклов (15-20 лет), данный цикл закончится в 2006-2010 гг. Стадия экономического подъема продлится до 1998-2001 гг., процесс завершения экономической конъюнктуры займет следующие 4 года, а закончится цикл 3-4 летним кризисом. В стадии экономического подъема будут высокие темпы экономического роста, увеличение в потреблении населения доли непродовольственных товаров, годовые темпы прироста национального дохода в этот период не будут превышать 4-5,5%. [1, с.138-139]

Как видим, этот прогноз не реализовался, т.к. его автор рассматривал тенденции развития экономической подсистемы без учета того обстоятельства, как на дальнейшее развитие всей системы (государства) повлияют другие факторы, не поддающиеся предвидению (в частности, неудачные политические решения), и как будут развиваться другие подсистемы социума (политическая, культурная).